ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ «СОДРУЖЕСТВО»?

Судьба театра зависит от московских властей

УХОД ИЗ ЖИЗНИ Николая Николаевича Губенко стал настоящим горем для зрителей фильмов, спектаклей, в которых он играл и которые снимал, ставил как режиссёр. Николай Николаевич — воплощение некрасовского призыва "поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". И потому его уход — невосполнимая личная утрата для всех преданных своей Родине граждан нашей страны. Он, его деятельность были всем нам опорой, поддержкой. Он был нашей гордостью. "Советский — значит лучший" — это мы воочию видели на примере Николая Николаевича.

И настоящей трагедией уход Николая Губенко обернулся для коллектива театра "Содружество актёров Таганки", созданного и выпестованного им и после его кончины осиротевшего. Для всех в театре он был поистине отцом родным. Перефразируя классика, можно сказать: "Мы говорим "Содружество актёров Таганки" — подразумеваем Николай Губенко".

В 1993 году легендарная Таганка разделилась на два непримиримых лагеря. Дело в том, что Юрий Любимов, во многом именно благодаря усилиям Николая Губенко вернувшийся в СССР, приступил к руководству театром и, набравшись на Западе рыночных ценностей, захотел ввести в театре контрактную систему. При этом многие актёры остались бы без работы, что ничуть не волновало Любимова, считавшего их балластом. Коллектив выразил несогласие с такой политикой, и большая часть труппы под руководством Губенко создала "Содружество актёров Таганки".

Так и образовалось два театра: любимовский, оставшийся в старом здании Театра на Таганке, и театр Губенко. Благодаря Николаю Губенко, его авторитету, его энергии, его позиции, актёры, которых Любимов "приговорил", сохранились в профессии, театр обрёл помещение, наработал репертуар, получил своего зрителя. Пополнялся молодыми актёрами, режиссёрами. Николай Николаевич сплотил коллектив, воспитал его. Он был им опорой, защитой, той стеной, за которой можно укрыться от нападок недоброжелателей и с высоты которой можно посмотреть: как там, за стенами театра, в мире? Николай Николаевич был настоящим эрудитом, и тем, кто работал в театре, необходимо было соответствовать ему. Своим авторитетом Губенко ограждал театр, был его оплотом. Собственно, именно ради театра, ради русской культуры он занялся политической деятельностью, став депутатом Госдумы, Мосгордумы.

Он был реалистом, понимал: чтобы быть спокойным за судьбу, будущее своего детища, надо готовить себе смену. И он оставил этакое завещание, записав видеообращение, где чётко выразил своё пожелание, свою волю: он видит преемником своего заместителя, помощника, актёра и режиссёра Владимира Владимировича Завикторина.

"Мы договорились с Департаментом культуры, что театр "Содружество актёров Таганки" будет передан тому человеку, которого я назову. Чтобы не было таких историй, когда ушёл из жизни Эфрос, чтобы не было историй типа "Гоголь-центра", чтобы это было согласовано с желанием труппы. И мы договорились, что этим человеком после меня станет Владимир Владимирович. Сейчас я прилюдно говорю об этом, с тем, чтобы вы, если руководство поступит нечестно, имели возможность и право опираться на заявление", — сказал Губенко.

Но не успели попрощаться с ушедшим из жизни художественным руководителем, как поползли слухи: театр решено присоединить к Театру на Таганке под руководством Ирины Апексимовой, которая публично заявила, что собирается объединить труппы. С идеей объединиться она якобы приходила к самому Николаю Губенко. Но он был категорически против такой идеи, о чём было хорошо известно.

И вот буквально на следующий день после похорон Губенко в "Содружество" пришло письмо из Департамента культуры с предложением объединиться с Театром на Таганке. И это уже не слухи.

Обеспокоенная труппа театра "Содружество", не согласная с такой перспективой, стала предпринимать действия. Были написаны обращения к лицам, наделённым полномочиями. Два письма были адресованы властям города: одно — с просьбой присвоить театру имя Николая Николаевича Губенко, во втором коллектив театра попросил назначить художественным руководителем Евгения Герасимова, который на это предложение ответил корректно: он не против возглавить осиротевший театр, однако "решение будет за учредителем театра — Департаментом культуры".

Письмо было направлено и председателю Союза театральных деятелей РФ Александру Калягину. Он очень оперативно отреагировал, обратившись к руководителю Департамента культуры Москвы Александру Кибовскому с письмом:

"Дорогой Александр Владимирович!

Я получил письмо от артистов театра "Содружество актёров Таганки", в котором меня просят о помощи. Подписали его все артисты труппы, которые обеспокоены сегодняшней ситуацией, возникшей вокруг театра, оставшегося без своего художественного руководителя Николая Николаевича Губенко. Угроза объединения с Театром на Таганке крайне тревожит весь театр, поскольку такое искусственное объединение, по сути, означает исчезновение театра "Содружество актёров Таганки", созданного выдающимся артистом и режиссёром Николаем Губенко.

Я понимаю, что судьбу театра будет решать его учредитель, но моя позиция такова: не нужно предпринимать никаких скоропалительных решений. Все мы знаем, чем они в итоге кончаются. Мне кажется, что объединять два театра можно только по инициативе и при согласии обоих коллективов и только тогда, когда есть художественный лидер, готовый отвечать за развитие вновь возникшего большого театрального организма. Сегодня я отчётливо понимаю, что нет ни одного, ни другого. Поэтому я обращаюсь к тем, от кого сегодня зависит столь важное решение: не спешите, ошибиться легко, поправить содеянное будет уже невозможно".

Активно встал на защиту тетра, выступив за его сохранение, Геннадий Зюганов, лидер КПРФ, членом которой был Николай Губенко.

На традиционном сборе труппы 15 сентября руководитель Департамента культуры Москвы Александр Кибовский должен был представить Ирину Апексимову как нового худрука объединённого театра. Но эту встречу отменили: представители департамента сообщили, что пока будет сохранён статус-кво: руководить театром будут директор Наталья Альшевская и Владимир Завикторин.

"Департамент культуры дал нам два месяца на выживание. Мы должны доказать, что, несмотря на ковид, "шахматную рассадку" и другие сложности, к нам идут зрители", — пояснили в театре.

Жанна Болотова, супруга Николая Губенко, его незаменимый помощник, которая, не будучи в штате театра, фактически все эти годы работала на театр и, безусловно, как никто, в курсе всех перипетий, знает все нюансы, говорит, что власти Москвы, в ведении которых находится театр "Содружество", "давно предлагали объединить два театра, и чтобы Николай Губенко стал руководителем объединённого коллектива. Но он сразу и категорически отказался. Он говорил: это совершенно два разных театра. И невозможно их объединить. Люди и того театра, и нашего помнят ужасную историю с разделом театра, эти тяжёлые отношения между коллективами. И невозможно вот так сразу, по чьему-то руководящему призыву, это всё забыть. Тяжёлые были дни. Леонид Филатов написал письмо, адресованное той, любимовской труппе: как вы будете смотреть в глаза своим родным, ведь вы предали своих товарищей.

Те тогда, оставаясь с Любимовым, понимали, какая перед ними открывается перспектива: заграница, гастроли, доброжелательные статьи в газетах, реклама. А у этих, наших, полная блокада: умолчание в прессе, денег ни город, ни государство не выделяли никаких, 16 лет театр не финансировали. И "Содружество" выжило в серной кислоте благодаря тем спектаклям, на которые люди шли именно в этот театр. В тот театр тоже шли зрители, но там был другой репертуар, другая эстетика. Любимов ловил свою волну и ставил соответствующие спектакли. А в "Содружестве" шли совсем иные постановки. И зрители буквально ломились на спектакли "Высоцкий", "День Победы", по произведениям Салтыкова-Щедрина. Это злободневные спектакли: Салтыков-Щедрин сегодня очень актуален, он словно о современности говорит.

Так зачем объединять два совершенно разных театра? У каждого театра свой зритель. Сейчас ситуация зависла. Неопределённость всех нервирует. Труппа опасается, что их распустят. Они вросли в театр, он — их часть. Коллектив — словно семья".

Театр "Содружество актёров Таганки" — едва ли не единственный московский театр, соответствующий званию "русский театр". Ведь "русский театр" — это уже характеристика, высокая оценка. Как сочетание "русский балет" является характеристикой, показателем уровня исполнения, отбора репертуара, требовательности к себе. Попав на любой спектакль "Содружества", Станиславский бы сказал: "Верю".

Николай Губенко буквально жизнь свою положил, чтобы сохранить наше национальное достояние — русский классический театр, преумножить его славу, развить в соответствии с запросами времени. И, безусловно, театр должен сохраниться и носить имя его создателя.

Екатерина ГЛУШИК

Николай Губенко и актёры театра.

РУКАВ МОСКВЫ

70 лет скульптору Рукавишникову!

ГУСТОЕ ВРЕМЯ течёт сквозь пространство, шлифуя строения, монументы и даже наши лица.

Скульптор Александр Рукавишников, конечно, мастер. И в этом качестве он востребован постоянно и повсеместно. Любой художник-профессионал беспристрастен и беспринципен. Единственный его принцип — безукоризненно точно выполнить заказ. Быть ландскнехтом от искусства гораздо труднее, чем, наплевав на все условности, вольно самовыражаться. Ведь первое требует муштры, дисциплины, соблюдения сроков и фантастического умения. Рукавишников — гениальный наёмник. Он выполнит любое задание на высочайшем уровне. В его блистательных заказных работах никогда не промелькнёт ничего нелепо-местечкового, душно-индивидуального. Никакого смехотворного "я так вижу". При этом его официальному творчеству присуща расчётливая эксцентрика, это всякий раз игра ума — спорное, но остроумное решение.

Другое дело — творческое "подполье" мастера. То, что он делает для себя, для души, без посредников. И там вместо чугунных витязей, царей, литературных гениев восстаёт весёлый ад его подсознания. И мы оказываемся среди фантастических латунных тварей и эротических статуй — в этом явлена обратная сторона медали, наглая бесшабашность творца.

Рукавишников — автор с большим заделом. Его "скульптурные загашники" огромны. Поражают его авторская неукротимость, творческая интенсивность, всеядность и повсеместность. Именно эти качества дают ему пространство для манёвра. Позволяют быть новым, быть разным, быть нужным.

Сегодня адепт различных школ восточных единоборств, народный художник России Рукавишников вступает в возраст патриарха. Пожелаем ему уникальных заказчиков, а также благодарных созерцателей, ценителей его искусства.

Дорогой Александр, искренне тебя поздравляю и крепко жму твою железную руку борца и ваятеля! Многая лета!

Твой Андрей ФЕФЕЛОВ

«ЧТО-ТО ВСЕМИ НАВЕК УТРАЧЕНО...»

К 125-летию со дня рождения Сергея Есенина

"Есенин? Это что?" Услышав такое от "нормального" вроде бы современного десятиклассника, поневоле содрогнёшься, а потом и задумаешься… Вот оно как, даже не — "кто", а — "что"?

Ведь совсем недавно казалось: подобное из уст любого нашего умственно полноценного соотечественника старше 14–15 лет не может прозвучать никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах. Потому что это просто невозможно — образ златокудрого и синеглазого красавца-поэта, гениального "рязанского Леля", погибшего совсем молодым, навсегда впечатан в народное сознание от Москвы до самых до окраин. Потому что более близкого и понятного всем, более родного и народного, более русского человека не найти. В своей книге "Есенин", вышедшей всего-то десять лет назад в знаменитой "молодогвардейской" серии "Жизнь замечательных людей", Станислав и Сергей Куняевы писали: "Лишь есенинская легенда… всё время выбрасывает новые весенние почки, разворачивается свежей листвой, и никому не ведомо, закончится ли когда её цветение. Думается, это произойдёт не раньше, чем закончится история России".

К сожалению, как сегодня выясняется, всё это не совсем так. Или даже совсем не так.

Здесь вряд ли следует всё списывать на пресловутый фактор ЕГЭ, благодаря которому "последнего поэта деревни" фактически исключили из школьной программы по русской литературе — ведь и в сталинскую эпоху его стихи тоже особо не "жаловали", но зато миллионы или даже десятки миллионов человек в Советском Союзе все эти десятилетия переписывали есенинские строчки из одной "заветной" тетради в другую…

Где они сейчас, тетради те? Вынесены на свалку вместе с книгами?

Загляните-ка в современные "молодёжные" социальные сети, типа "ВКонтакте" или "Телеги" — кто там? Есенин? Пушкин? Ой ли?!

В чём же дело? "Что-то всеми навек утрачено…"?

НЕТ, В НЫНЕШНЕЙ российской "вирту-реальности" Есенин ещё присутствует. И вполне весомо. В поисковике Яндекса по этому запросу значится три миллиона ссылок, в Гугле — вообще пять с лишним миллионов. И к этим ссылкам ещё достаточно активно обращаются. Но — люди в основном старшего поколения, для которых стихи и образ Есенина действительно являются неотъемлемой частью собственной идентичности…

В есенинском феномене ("есенинской легенде", "есенинском мифе", если использовать определение отца и сына Куняевых) присутствуют и неразрывно переплетены между собой три основные линии: творческая (главная, поскольку без неё всё прочее было бы попросту неинтересно и даже бессмысленно), общественно-политическая (самая востребованная вчера) и личная (самая востребованная сегодня).

С ТВОРЧЕСКОЙ ЛИНИЕЙ, кажется, всё более-менее ясно. Корпус сочинений Сергея Есенина почти за век, прошедший с момента гибели поэта, устоялся, и никаких новых, тем более — сенсационных, находок или потерь здесь не предвидится (хотя, что в этом отношении можно предвидеть?).

Здесь нет ни места, ни смысла говорить о поэтике Есенина, о воплощённой в его творчестве системе ценностей, эстетических и этических, — всё это тема отдельного и очень обстоятельного разговора. Ограничимся лишь констатацией того бесспорного факта, что Есенин — прежде всего поэт, "Божья дудка", как он сам себя называл. Его стихотворения "Отговорила роща золотая…", "Не жалею, не зову, не плачу…" (хотя бы только они!) — безусловные шедевры, свидетельства того, что уж "седьмого неба" русской поэзии их автор, безусловно, достиг, а значит — там и пребывает в вечности своей, в "большом времени" нашей культуры и нашего Слова.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА и подробности личной биографии поэта: предки и родители, братья и сёстры, друзья и враги, женщины и дети, переплетение их судеб и страстей, поездки, скандалы и всё прочее, — опять же, обретают свой смысл и значение только во взаимодействии и в соотнесении с есенинским творчеством, в пересечении этих измерений есенинской жизни.

Да, Есенин-поэт, несомненно, достиг "седьмого неба" русской поэзии. А Есенин-человек? Здесь, похоже, вопрос неразрешимый настолько, насколько неразрешим вопрос, связанный с обстоятельствами смерти поэта. Если он был убит — как Пушкин и Лермонтов — целостность есенинского феномена нельзя подвергать сомнению, если же имело место самоубийство (по любой причине) — то данный феномен остаётся разорванным, а потому неизбежно уходящим из бытия.

Неудивительно, что окончательная точка здесь не поставлена до сих пор.

ЕСЛИ ОБРАТИТЬСЯ к общественно-политической линии феномена Есенина, то вполне очевидным является тот факт, что с самого момента "включения" в литературный процесс в 1915 году и вплоть до своей гибели Есенин, говоря современным языком, позиционировал себя и воспринимался другими не только в качестве "божьей дудки", но и в качестве "голоса русского крестьянства", на то время составлявшего намного больше половины населения страны.

Насколько интуитивно и насколько осознанно это происходило, насколько соответствовало действительному положению дел, — тоже отдельная тема для разговора, но ей стоит уделить немного больше внимания, поскольку она и задаёт общие границы для корректных ответов на поставленные выше вопросы:

— исчезает ли Сергей Есенин и его творчество из современного бытия "Русского Мира"?

— если исчезает, то почему?

— последуют ли за ним другие классики отечественной поэзии и литературы, вплоть до Пушкина?

— сможет ли после и вследствие этого "Русский Мир" оставаться русским, в его нынешнем понимании, а сама Россия — Россией?

Как можно видеть, судьба есенинского феномена сегодня касается не только судьбы его творчества, но и судьбы всей нашей страны. С этой точки зрения, видимо, и стоит оценивать всё, что было и будет ещё написано о "последнем поэте деревни".

В СТАТЬЕ "Литературной энциклопедии" 1930 года за подписью Б. Розенфельда утверждалось: "Социальная родина Е. — зажиточная, патриархально-старообрядческая группа крестьянства. Однако уже с ранних лет мы наблюдаем в Е. тенденцию к отрыву от родной почвы, а позже видим все признаки резко выраженной деклассации, вплоть до полного погружения в богему… Годы, проведённые Е. в кабаке, легли непреодолимой преградой между ним и далеко вперёд ушедшей деревней. Он не узнаёт родного села, чувствует себя лишним среди советского крестьянства, около волисполкома обсуждающего свою жизнь и распевающего "агитки Бедного Демьяна" вместо его песен, никому теперь не нужных… Уже раньше растерявший свои физические и творческие силы, Е. не смог обновить их действительным приобщением к полнокровной жизни нового поколения и неизбежно должен был впасть в состояние ещё более глубокого упадка и опустошённости…, вскоре последовавшее затем самоубийство Е. едва ли не совпадает с последней гранью его творчества".

Эти строки почти полностью соответствуют "Злым заметкам" главного редактора газеты "Правда" Николая Бухарина от 12 января 1927 года, где говорилось, что "советские" устремления "оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни", а "есенинщина" объявлялась не только "самым вредным, заслуживающим настоящего бичевания явлением нашего литературного дня", но и "шовинистическим свинством" "под колпаком юродствующего quasi-народного национализма", чуть ли не аналогом зарубежного фашизма, "напялившим на себя "советский" кафтан".

Вот таким деклассированным изгоем был представлен поэт в канун коллективизации/индустриализации, через год с небольшим после своей трагической гибели. И даже когда сам "Бухарчик" оказался уничтожен в ходе дальнейшей политической борьбы 30-х годов, какой-либо реабилитации Есенина и его творчества за этим не последовало. Всего за период 1927–1953 гг. насчитывается менее десятка советских изданий его стихотворений, в школьную программу они тоже не входили.

ПРИЧИНА ТОМУ лежит на поверхности: в конце своей жизни и сразу после смерти Есенин оказался в самой гуще литературно-политических баталий того времени. И, прежде всего, — из-за своей высочайшей популярности среди тогдашней советской молодёжи, крестьянской по своему происхождению и духу. В этой связи часто цитируются слова из адресованного Есенину письма комсомольца из Николаева: "Стихи твои пьём вёдрами и не можем напиться!"

То, что до революции в Есенине было коктейлем из большей части желаемого и малой части действительного, после революции становилось неоспоримой реальностью. Он летел к выбранной им цели с потрясающей быстротой и точностью. Не видеть этого мог только слепой политик, а не пытаться использовать — только тупой. В пореволюционной России и те, и другие очень быстро прекращали существовать, даже в физическом смысле.

В 1915 году "голосом русского крестьянства", да ещё в дуэте с Николаем Клюевым, юного Есенина могли признавать разве что в литературных и великосветских салонах двух российских столиц — с заходом в императорскую фамилию. А семь лет спустя, в 1922 году, не кто-нибудь, а казавшийся тогда всесильным Лев Троцкий писал (в большой статье "Внеоктябрьская литература. Литературные попутчики революции"): "Есенин отразил на себе предреволюционный и революционный дух крестьянской молодёжи". Относя поэта к числу как раз "попутчиков", замечал: "Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции? Этого вопроса нельзя сейчас, однако, предрешить и в самой приблизительной степени. Разрешение его зависит не только от субъективных свойств того или иного из попутчиков, но главным образом от объективного хода вещей в ближайшее десятилетие".

Это весьма утилитарное замечание, на мой взгляд, во многом объясняет парадоксальную благожелательность "демона революции" к "последнему поэту деревни" и к его творчеству: видимо, есенинские стихи, в понимании Льва Троцкого, должны были сыграть свою роль в привлечении крестьянских масс к идее "перманентной революции" в России, которая должна была перерасти в "революцию мировую"… А заодно — продолжить разрушение "старой" Европы и самой России, начатое Первой мировой войной. Есенин должен был стать одним из тех, кто поможет повести всё равно обречённого на убой "телка" или "жеребёнка" русской деревни в нужном направлении.

"Милый, милый, смешной дуралей. Ну куда он, куда он гонится?.."

Тем не менее, дуралей — гнался, упорно не желая совать свою золотую голову ни в одно услужливо подставляемое ярмо… И до трагической черты ему оставалось всё меньше.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ поэта пришлась как раз на дни работы XIV съезда ВКП(б), проходившего 18–31 декабря 1925 года. На этом обстоятельстве особо акцентировал своё внимание Николай Анисин в работе "Стихи Есенина, речи Сталина". Хорошо известно, что этот съезд, второй после смерти Ленина и первый после создания СССР, должен был состояться в Ленинграде, где тогда "правили бал" оппозиционные Сталину представители так называемой старой ленинской гвардии Григорий Зиновьев и Лев Каменев. Но по настоянию Сталина решением октябрьского пленума ЦК РКП(б) место проведения съезда было перенесено в Москву, в первый же день его работы Каменев и Зиновьев лишены слова и выведены из состава Политбюро ЦК партии большевиков. Был взят курс на построение социализма в одной стране, а Сталин признан "главным вождём партии". Троцкий же предпочёл занять публичную позицию "над схваткой" Сталина и Бухарина с "новой оппозицией", видимо, полагая, что это укрепит его собственные политические позиции…

Именно накануне съезда Есенин дал согласие лечь в психоневрологическую клинику под руководством профессора Петра Борисовича Ганнушкина, куда и поступил 26 ноября 1925 года. Поводом для этого стало начатое ГПУ расследование по заявлению двух попутчиков из поезда Баку — Москва, с которыми поэт, возвращавшийся в столицу из своей последней поездки в Закавказье, где проводил "медовый месяц" с Софьей Толстой, устроил очередной скандал. Интересно здесь то, что 18 декабря, в день открытия съезда, Есенин клинику покинул, а 23-го, когда победа Сталина сомнений не вызывала, срочно выехал "к Вольфу Эрлиху" в Ленинград, где и провёл последние дни своей жизни… Случайные совпадения? Возможно, случайные, но некоторая "суперпозиция" личных действий поэта и куда более мощных волн общественно-политической жизни, кажется, здесь налицо.

В БУХАРИНСКОЙ "ПРАВДЕ" 19 января 1926 года появилась статья Троцкого "Памяти Есенина" — по мнению Максима Горького, "лучшее из написанного" тогда о поэте: "Из старого его вырвало с корнем, а в новом корень не принялся. Город не укрепил, а расшатал и изранил его. Поездка по чужим странам, по Европе и за океан не выровняла его… Есенин не враждебен революции и никак уж не чужд ей; наоборот, он порывался к ней всегда… Есенин не был революционером. Автор "Пугачёва" и "Баллады о двадцати шести" был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушёл от нас и от своей эпохи Сергей Есенин… Корни у Есенина глубоко народные, и, как всё в нем, народность его неподдельная.

Кому писал Есенин кровью в свой последний час? Может быть, он перекликнулся с тем другом, который ещё не родился, с человеком грядущей эпохи, которого одни готовят боями, Есенин — песнями. Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его…

Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищённое человеческое дитя. Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин!"

Сам Горький в своей оценке есенинского творчества ещё менее политизирован, но близок к Троцкому: "Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой "печали полей", любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком".

Но статья Троцкого имеет всё ту же политическую цель: если живой Есенин не захотел поддержать его линию, пусть это делает мёртвый Есенин… "Пастор Шлаг, или светлый образ его", — впрочем, это уже спонтанная литературная ассоциация.

ЧЕРЕЗ ГОД после публикации этой статьи Троцкого Бухарину пришлось "Злыми заметками" про Есенина и страшную деклассированную "есенинщину" бить уже по Троцкому…

В итоге мы можем констатировать уникальный факт: два выдающихся политика эпохи не просто высказались о творчестве поэта, но оформили свои мысли в развёрнутые статьи с мощными выходами в реальную политику.

В этом споре явным и парадоксальным образом отсутствует ещё один голос — голос Сталина. Который не только внимательно следил за литературным процессом, но и прекрасно понимал его "изнутри". Но вот про Есенина не сказал ни слова. Ни за, ни против. Ни до войны, ни во время войны, ни после войны. В этом сталинском молчании, несомненно, есть какая-то тайна, которую только скрывают многочисленные публикации времён горбачёвской перестройки и ельцинских девяностых с общим рефреном: "Сталин убил Есенина". Возможно, некий свет на природу этого молчания проливает известная сталинская резолюция на письме Лили Брик, датированном 24 февраля 1935 года: "Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи".

Лично у меня есть такое ощущение, что гибель Есенина "отец народов" до конца жизни воспринимал как большую потенциальную потерю для себя лично, причём — и по своей вине, и по вине самого поэта…

Лукавил ли Троцкий? Лукавил ли Бухарин? Что стояло за молчанием Сталина? Есенин, хоть и был всегда "себе на уме", как и положено крестьянину, не лукавил точно…

Владимир ВИННИКОВ

Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru